

Ποκα Τορυν Οβερ
Α. Κ. ΧΥΤΣ

Двум Элизабет в моей жизни посвящается:

*Элизабет Кроуфорд Поттс,
моей любимой маме,
слишком рано покинувшей этот мир,*

и

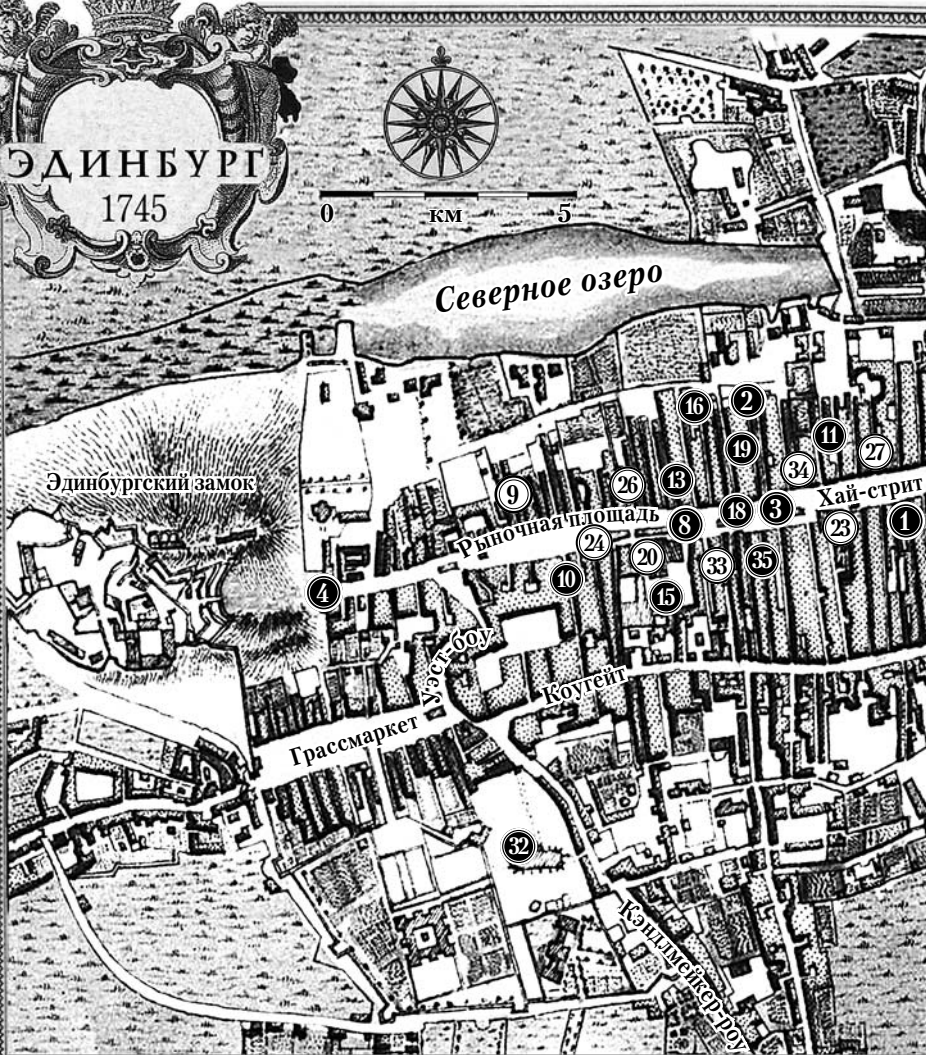
*Элизабет Салливан Маклейн Хиггс,
моей бесценной невестке,
подарившей нашей семье радость.*

*А также Биллу,
ныне и во веки веков...*

0 км 5

Блэкфрайерс-уинд – 1
 Гедес-клоуз – 2
 караульное помещение – 3
 Касл-хилл – 4
 Квинсберри-хаус – 5
 Колледж-ярдс – 6
 Кэнонгейтская церковь – 7

Лакенбут (лакенбуты) – 8
 Леди-Стэйрс-клоуз – 9
 Либбертонс-уинд – 10
 Милн-сквер – 11
 Морай-хаус – 12
 Мэри-Кингс-клоуз – 13
 Нетербау-порт – 14
 Парламент-клоуз – 15

Пирсонс-клоуз – 16
 Рейдс-корт – 17
 Рыночный столб (Эдинбургский крест) – 18
 Сванс-клоуз – 19
 Сент-Джайлс – 20
 Сент-Джон-клоуз – 21
 Сент-Мэри-уинд – 22

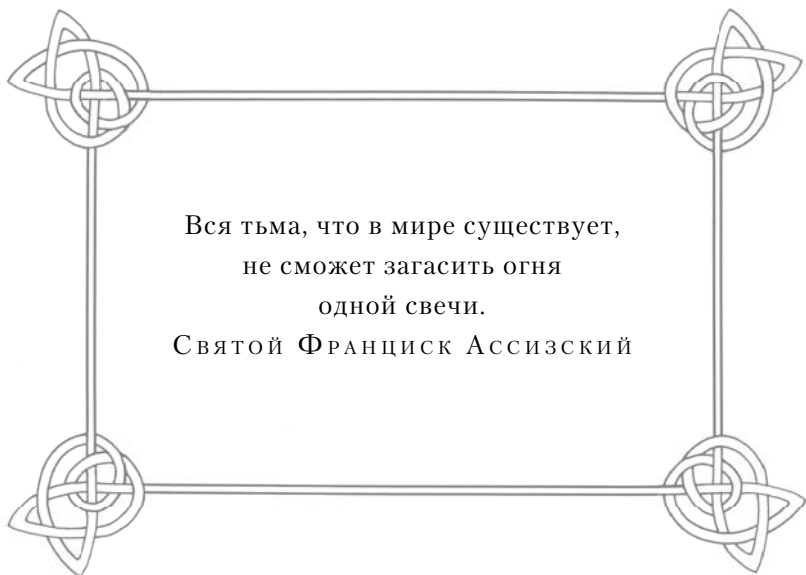

С уважением к Хай-стрит...
ее длине и ширине, красоте и величию,
ибо, по свидетельству туристов,
в Европе ей равных нет.
Журнал для джентльменов, 1745

Тронская кирха – 23
тюрьма «Голбут» – 24
Уайт-Хорс-клоуз – 25
Уорристонс-клоуз – 26
Халкерстон-уинд – 27
Хантли-хаус – 28
Холирудское аббатство – 29

Холирудский дворец – 30
Хорс-уинд – 31
церковь на кладбище
Грейфраерс – 32
Фишмаркет-клоуз – 33
Флэшмаркет-клоуз – 34
Эссембли-клоуз – 35

Вся тьма, что в мире существует,
не сможет загасить огня
одной свечи.

Святой Франциск Ассизский

Глава первая

Ночь равно покрывает все
своим черным плащом.

ГИЙОМ ДЕ САЛЮСТ ДЮ БАРТА

Милн-сквер, Эдинбург
14 сентября 1745 года

еди Марджори Керр услышала отчаянный стук в дверь своей спальни, а затем и голос, весьма настойчивый:

— Новости из Королевского банка, мэм.

«*В такой час?*» Марджори оторвала голову от подушки и посмотрела на закрытые на ночь ставни. Угли в камине почти догорели и уже давали мало света. Она прищурилась, но все равно не смогла разглядеть, сколько времени на часах. А вообще-то она сегодня спала?

— В чем дело, Пэг? — отозвалась Марджори.

Ее служанка ответила скороговоркой, задыхаясь от волнения:

— Все имущество банка переносится в замок. — У Марджори зашевелились на голове волосы. Перемещение денег и документов из Нью-Бэнк-клоуз в Эдинбургский замок означало, что их понесут по извилистой улочке, где за каждым углом прячутся воры и разбойники. Королевский банк никогда бы не пошел на такой риск, если бы не подтвердились ходившие днем тревожные слухи. — Это горцы, — снова зашептала в дверной проем Пэг, словно само произнесение вслух слова «горцы» могло наслать на обитателей замка орду топающих сапогами и бряцающих мечами грубиянов. — Люди говорят, что армия мятежников уже утром войдет в Линлитгоу.

Услышав это, Марджори откинула одеяла — у нее моментально пропал сон. Линлитгоу-палас находился в двадцати милях к западу отсюда. Мятежники подошли слишком близко к ее дверям — и слишком близко к ее сыновьям, один из которых при малейшей возможности был готов взяться за оружие. Что же ей сказать сыну, чтобы отговорить его от этого шага?

Женщина босиком заспешила по ковру — она совсем растерялась и не смогла найти свои парчовые тапочки. Весь Эдинбург следил за грозным приближением вояк с Северо-Шотландского нагорья во главе с Красавчиком принцем Чарли*. Молодой принц, исполненный решимости отвоевать британский престол для своего ссыльного отца, короля Якова, по латыни Якобуса, вместе со своими верными якобитами направлялся к главному городу Шотландии, намереваясь его захватить.

— Пусть это не случится, — еле слышно сказала Марджори и распахнула дверь спальни, за которой стояла служанка. Ее льняная шапочка сбилась на сторону, в карих глазах застыл страх.

— Что же нам делать, леди Керр?

— Скорее запри все двери. — Марджори потуже затянула халат, чтобы защититься от проникавшей в дом даже при закрытых ставнях ночной прохлады. Она дрожит вовсе не от страха перед горцами, убеждала себя женщина. Во всяком случае, не сейчас. — И поспеши, детка.

Марджори смотрела вслед служанке, которая стремительно вышла из комнаты. Высоко над головой она держала свечу. На ее поношенной ночной сорочке образовался круг бледного света. Для своих семнадцати лет девушка была маленькой, цвет ее волос напоминал потускневшую монетку в полпенни, и вообще Пэг Кэргилл едва ли можно было назвать красивой. У нее были слишком близко посаженные глаза, а нос сплошь усыпали веснушки.

Благодаря пусть тусклому свету от камина Марджори увидела в зеркале собственное отражение. Она поспешила отвернуться, однако мысли тотчас вернули ее к увиденному. *«Меня саму едва ли можно назвать красивой»*. Она коснулась своих редееющих волос и обвисшего подбородка и вздохнула, сожалея, что так она теперь выглядит. *«А разве не всегда было то же самое?»*

Во времена ее молодости джентльмены редко останавливали на ней свой взгляд, если не знали, что она дочь сэра Элдона Несбитта,

* Одно из прозвищ Чарлза (Карла) Эдуарда Стюарта, сына Джеймса (Якова) Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, претендента на английский и шотландский престолы и предводителя восстания против дома Ганноверов, воспринимаемого шотландцами как восстание против власти англичан. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

но даже тогда они рассматривали скорее внушительную собственность ее отца, нежели ее ничем не примечательное лицо или фигуру. Со временем эта ситуация не изменилась.

Снова появилась Пэг и присела в книксене:

— Все готово, миледи.

Марджори махнула рукой в сторону соседних комнат, где со своими женами отдыхали ее сыновья:

— Ты уже сообщила им эту новость?

— Еще нет. — На щеках Пэг появился легкий румянец. — Я услышала, что они... то есть мистер Керр...

— Проследи, чтобы их не беспокоили, — распорядилась Марджори, не желая дослушать служанку. — И не открывай дверь на лестницу. — Кивком она отпустила девушку и заперла за собой дверь. Пусть горцы штурмуют осыпающиеся стены Эдинбурга — в дом Керров им не войти. Об этом позаботится купец и владелец их жилища мистер Бейли.

Оставшись одна, Марджори зажгла на камине свечу, глубоко вздохнула и опустила на колени возле кровати, словно приготовилась к молитве на сон грядущий. Однако она не стала возносить Господу мольбы, а наклонилась и из-под края толстого шерстяного ковра потянула на себя одну из досок. Все слуги, не говоря уже о членах семьи Керр, считали, что ее состояние надежно хранится в Королевском банке, деньги из которого сейчас перетаскивали в замок. Лишь она, леди Керр, одна знала правду: лорд Джон Керр никогда не доверял банкам.

Доска подалась, и под ней меж балок обнаружился просторный тайник. Морщась от запаха сырости, Марджори наклонилась над ним: освещая свечой подпол, взглядом она искала кучу кожаных кошель. *«Вот они!»* От одного вида своего богатства женщина успокоилась. Почти две дюжины кошель лежали под половицей ее спальни — хвала Господу и благоразумию ее мужа.

Она остановила взгляд на ближайшем мешочке, радуясь ощущению его тяжести, затем высыпала содержимое кошель на постель. На простыню хлынуло сто монет — золотых гиней*, на каждой красовался профиль короля Георга II. Марджори пересчитала

* Английская золотая монета, имевшая хождение с 1663-го по 1813 год.

деньги и отложила несколько монет на расходы в ближайшую неделю, затем опустила толстенький кошель на место.

Зеленщики и торговцы рыбой желали получать плату сразу, как только ими был продан товар, зато портные с удовольствием предоставляли женщинам семьи Керр кредит, потому что их платья на ближайшем балу увидят все, хотя теперь напуганный городской совет может потребовать, чтобы жители города не покидали своих домов, а это значит, что прекратятся веселые четверги в Эссембли-клоуз...

«Нет, конечно же, не прекратятся!»

Марджори со стоном опустилась на край постели. Какой ужасный светский сезон ожидает их в этом году, когда к городу приближается армия мятежников! Не будет еженедельных визитов к леди Вудхолл, чтобы выпить чашечку чая и послушать пикантные сплетни. Не будет дождливых дней с леди Фалконер, с которой они слушают сельские напевы в исполнении одной девушки из семьи землевладельцев. Не будет партий в вист в милой компании лорда Дана. Ничего, кроме драгунов, патрулирующих Хай-стрит со штыками наизготовку.

От резкого стука в дверь из соседней спальни Марджори подскочила и чуть не выронила на ковер горсть монет.

— Кто там? — спросила она, стыдясь в своем голосе страха.

— Дональд, — прозвучал негромкий ответ. Тревога вмиг испарилась. Марджори положила деньги на туалетный столик, выпустила старшего сына и поспешила захлопнуть за ним дверь. В их апартаментах не было коридора, и все комнаты соединялись между собой дверями. Даже среди самых состоятельных жителей Эдинбурга уединение считалось привилегией лишь немногих. — Прости за вторжение, мама. — Он смотрел на нее, держа в руке свечу. Его гладкий лоб блестел, батистовая рубашка была небрежно полурасстегнута и не скрывала острых ключиц. Десять лет он питался лучшей в Эдинбурге бараниной и говядиной и все же сохранил стройность молодости. — Я знаю, что уже слишком поздно, — извиняющимся тоном добавил он.

— Какая разница? — Марджори ласково коснулась щеки сына, снова удивляясь тому, насколько он похож на отца. У Дональда был такой же длинный нос, как у лорда Джона, такая же тонкогу-

бая улыбка. — «И, без сомнения, таким был ты. Как в сыне узнаём отца черты»*, — процитировала она, словно проверяя степень эрудированности сына. Это было их любимым развлечением.

— Бен Джонсон, — ответил Дональд, без колебаний назвав имя драматурга.

Немногие джентльмены Эдинбурга были столь же начитанны, как лорд Дональд. Об этом позаботилась его мать. К тому же наследник титула семьи Керр и ее земель был внимательным сыном и верным мужем, а то, что он до сих пор не стал любящим отцом, зависело не от него.

— На тебе сапоги, — заметила Марджори, — а я думала, ты давно в постели.

У него дрогнули уголки рта.

— Скоро лягу. — Он оглядел комнату и увидел кучку поблескивающих монет. — Ты считаешь благоразумным оставлять золото там, где его нельзя не заметить?

Дональд не только выглядел, как отец, — он и говорил, как отец. Марджори смахнула монеты в свой ридикуль с бахромой и затащила на нем тесьму:

— Этой ночью у нас есть более серьезный повод для беспокойства: к Линлитгоу приближается армия мятежников.

— Да, Гибсон мне говорил. — Стоик по натуре, их слуга Нейл Гибсон имел честь одевать мужчин семьи, то есть Дональда и его младшего брата Эндрю, и осведомлять их о новостях. — Я пришел тебя успокоить, мама.

— Понимаю. — Она старательно подбирала слова, чтобы казаться беззаботной. — Надеюсь, это не значит, что ты собираешься присоединиться к добровольцам? — Она всматривалась в его глаза, пытаясь прочесть в них ответ. Сотни молодых людей записались добровольцами в королевское войско, и многие из них принадлежали к высшему свету Эдинбурга. Если будет на то Божья воля, ее сыновья не окажутся в числе защитников города.

— У меня таких планов нет, — признался Дональд, — хотя ничего не могу сказать о брате Эндрю. Ты же знаешь его пристрастие к кремневым мушкетам.

* В переводе Е. Б. Корюкина.

Она действительно о нем знала, как ни печально ей было это признать. Лорд Джон, несмотря на все возражения матери, подталкивал младшего сына к военной карьере. Стены спальни Эндрю украшали пистолеты, кинжалы и дюжина мушкетеров. Всякий раз, когда Марджори оказывалась в его комнате, она начинала нервничать. Учитель фехтования месье Пикар хорошо подготовил обоих братьев, но ведь не к войне, а к спортивным поединкам.

Накануне днем Эндрю наблюдал за занятиями добровольцев во дворе колледжа. Марджори с замиранием сердца считала часы до его возвращения, а потом с тяжелым сердцем слушала за столом его рассуждения о седовласых сержантах, которые обучают парней маршировать.

— Не бойся, — сказал тогда Эндрю, успокаивая мать. — Лорд-привост* меня даже не заметил.

Она ему не поверила, как не верила сейчас его старшему брату, особенно принимая во внимание его поздний визит.

— Ты мне обещаешь? — спросила она Дональда. — Ты не станешь подталкивать Эндрю с оружием в руках выступить против мятежников с Нагорья?

Сын отмел ее страхи:

— Как скажешь, мама.

Дональд начал обходить комнату, разглядывая картины маслом, китайский фарфор, шелковый балдахин над кроватью и красный лакированный комод. Марджори по одному перевозила из Твидсфорда, их поместья в Шотландском приграничье, свои любимые вещи и мебель, пока съемные апартаменты в Эдинбурге не заполнились до отказа.

Дональд подошел к окну и приоткрыл крашенный ставень. Марджори затаила дыхание: а вдруг на улице прячется шпион-якобит? Светловолосого и бледнолицего Дональда легко было заметить с улицы.

— Луны не видно, — заметил он, прислоняя к стеклу лоб. — Горцев тоже.

* 1) Ректор (в некоторых университетских колледжах Великобритании); 2) *шотл.* титул мэра; 3) *церк.* настоятель кафедрального собора; 4) начальник военной полиции.

— Скоро они будут здесь. — Марджори загасила у кровати свечу, и комната погрузилась во мрак. — Поспи сколько сможешь, Дональд. И не упускай из виду свою хорошенькую жену.

— Конечно. — По звуку голоса она догадалась, что он улыбается. — Я так и поступлю.

Дональд вышел из спальни матери, но не в свою комнату, а в гостиную. Через нее он спешно направился на кухню — он сегодня мало ел за ужином. Миссис Эдгар, служившая экономкой у Керров с самого приезда их в Эдинбург, не допустит, чтобы он лег спать с пустым желудком.

Марджори закрыла ставень и легла в постель — несмотря на ужасные новости, она все-таки решила поспать. Под ее крышей любимые сыновья были в безопасности. Все остальное значения не имело.

Глава вторая

Тот Дональд знатный был храбрец,
И был тот Дональд мой.

РОБЕРТ БЕРНС

А еди Элизабет Керр шила толстую шерстяную ткань и пыталась услышать разговор в соседней комнате. Она не винила Дональда в том, что в столь поздний час он отправился к матери: в эту тревожную ночь в поддержке нуждалась даже вдовствующая леди Керр. Увы, сквозь закрывавшие все стены их спальни ряды книг звук проходил плохо. Она не могла узнать, что обсуждает Дональд со своей матерью, как и то, о чем говорят в соседней комнате Эндрю и Джанет, чему Элизабет была даже рада: эти двое поженились всего шесть месяцев назад, но уже намеревались подарить вдове первого внука. «У вас было два года, чтобы произвести на свет наследника, — в марте, накануне своей свадьбы, сказала Джанет. — Теперь наша очередь постараться это сделать».

Что ей могла ответить Элизабет? Ее пустое чрево говорило само за себя.

«Нет». Она глубже надела наперсток и решила не думать на эту тему. У здоровой женщины двадцати четырех лет нет повода беспокоиться. Несомненно, в положенный срок на свет появится ребенок: маленький мальчик, точная копия ее красивого мужа — с таким же высоким лбом и умными глазами.

Элизабет туго натянула нить, закрепляя ее под пуговицей. Лорд Керр не следовал новой моде, в соответствии с которой ряд застёжек на мужском сюртуке заканчивался на талии. Он настоял на том, чтобы линия оловянных пуговиц шла от воротника до низа сюртука. Женщина потянулась за ножницами и вдохнула влажный от надвигавшегося дождя ночной воздух. Пламя в камине было

совсем низким и не справлялось с осенним холодом. Утром Пэг принесет угля, а до тех пор остается надеяться только на то, что муж согреет жене руки и ноги. «И хорошенький носик», — нередко шутил Дональд, костяшками пальцев сжимая кончик ее носа.

Элизабет считала свой нос слишком длинным, но Дональд настаивал на том, что нос у нее аристократический. «У тебя самый красивый в Шотландии профиль, — говорил он ей еще этим утром. — А чтобы ты мне поверила, я закажу тебе в Париже камею из самой большой раковины, на которую мне только хватит денег». Ее муж обожал раздавать экстравагантные обещания и изредка их даже выполнял.

Женщина посмотрела на свое сиреневое атласное платье: оно висело на затейливом крючке и дожидалось воскресенья. Это был запоздалый подарок от Дональда: платье должно было прибыть еще в мае, ко дню ее рождения, но задержалось до прошлой среды. Его рукава были обшиты пышными кружевами, лиф украшала гофрировка из маркизета, а корсаж — крошечные пуговицы. «На редкость красивое платье, — заметил Дональд. — Совсем как ты, любовь моя».

Он сразу ей понравился, как только однажды в погожий сентябрьский день зашел в ателье Ангуса Макферсона, где собирался заказать себе новый бархатный сюртук. Она там оказалась случайно — принесла жилетку заказчика, которую вышивала, чтобы немного заработать. И тут появился Дональд: высокий, стройный, с отличными манерами. На его спину спускалась косичка из напудренных волос. Сам того не подозревая, Дональд похвалил ее работу:

— Никто не умеет так замечательно обрабатывать петли, как вы, Макферсон.

Но Ангус тотчас признался:

— Это не моя работа, это не я делаю столь изящные стежки. Вам скорее следует хвалить мисс Фергюсон. Она как раз сейчас здесь, с нами.

Элизабет все еще помнила ту откровенную похвалу Дональда.

Некоторых мужчин отпугивал ее высокий рост, зато реакция лорда Керра была противоположной: ему понравилось, что их глаза находятся на одном уровне.

— У вас стать королевы, миледи. Кажется, в прошлое воскресенье я вас видел в Тронской кирхе*. Вы были с миссис Эффи Синклер из Блэкфрайерс-уинд, верно? — Она склонила голову, и он заулыбался еще шире: — Ага, я так и знал. Значит, она вас опекает. Во всем Эдинбурге не найти более уважаемой дамы.

Дональд завоевал ее сердце за несколько недель — и не своим значительным богатством, высоким титулом и красивым лицом, а тем, что вел себя с ней как с равной: обсуждал книги, музыку и общество, словно Элизабет выросла в семье джентльмена и могла поддерживать такие беседы. Но она с этим справлялась.

А на Святки, вопреки позиции матери, Дональд женился на Элизабет Фергюсон, дочери ткача. «Вовсе не затем, чтобы досадить вдовствующей леди Керр, — говорил он, хотя действительно ей досадил. — Я хочу, чтобы ты была рядом со мной, моя прекрасная Бесс с Нагорья. Чтобы ты была моей достойной и верной женой».

Его нежные слова навеки запечатлелись в ее душе, они вытеснили все предостережения и опасения, которые не особенно деликатно высказывали ей люди: «У лорда Керра есть любовница. Некоторые утверждают, что две. Остерегитесь: он не станет соблюдать свои клятвы».

Рука Элизабет замерла, оловянная пуговица холодила пальцы. В который раз в душу, словно вечерний туман, закралось сомнение и омрачило ее мысли. С тех пор ее муж Дональд, которого она всем сердцем любила и которому безгранично доверяла, сильно изменился, разве нет?

Месяц за месяцем она отгоняла свои страхи, не прислушиваясь к молве, которая то стихала, то нарастала: на улице и в обществе ей намекали на рыжеволосую вдову и хорошеньких служанок. У нее не было оснований верить чужим людям: Дональд всегда был очень к ней внимателен, никогда не возвращался домой с запахом другой женщины или следами ее поцелуев. В его карманах никогда не появлялись женские носовые платки, к жилетке не прилипали длинные волосы.

* Бывшая приходская церковь на главной улице Эдинбурга — Королевской миле.

Но в прошлый четверг в Эссембли-клоуз, когда он танцевал аллеманду* с вдовой Монтгомери, по комнате пронесся шепоток. Поворачивались головы. Вскидывались брови. Люди перешептывались.

Элизабет притворялась безразличной, весь танец улыбалась и, как только смолкла музыка, подошла к мужу. Она ничего ему не сказала, уверенная в том, что слухи ложны. Хотя флирт у аристократов считался делом обычным, Дональд был сделан из другого теста. Да и Элизабет, если ее муж восхищался какой-либо женщиной, тоже ее хвалила, не допуская зависти со своей стороны. Когда женщины строили Дональду глазки, она крепче держала его под руку и напоминала себе, что в конце дня лишь она одна сможет наслаждаться его обществом.

Пусть до свадьбы поведение Дональда не было безупречным, сейчас он был верен данной ей клятве, так ведь? От этой мысли ей стало тепло. *«Да, безусловно, ты ведь верен данной мне клятве, любовь моя».*

Свеча становилась все короче, свидетельствуя о пролетающем времени. Элизабет прилежно шила и ждала возвращения Дональда. Судя по всему, в тот поздний вечер вдове требовалось больше внимания, нежели предполагала Элизабет. А возможно, Дональд отправился на кухню, чтобы утолить голод кусочком холодной ба-ранины.

Закончив пришивать пуговицы, Элизабет повесила сюртук из дамаста** на спинку стула, надеясь, что муж его сразу заметит и ему обрадуется. Свеча у кровати мигнула — ветер все-таки нашел себе путь даже при закрытых ставнях. Было уже очень поздно. Элизабет дрожала от холода, поэтому забралась под одеяла и стала смотреть на дверь, не сомневаясь, что муж скоро придет.

После продолжительного ожидания дверь спальни скрипнула: вошел Дональд. Янтарный отсвет камина золотил его лицо. В свои двадцать семь лет ее муж выглядел прекрасно, имел благородный вид и щегольскую улыбку.

* Один из наиболее популярных инструментальных танцев эпохи барокко.

** Ткань (обычно шелковая) с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей на матовом полотняном фоне.

— Скорее ложись, — поманила она его, протягивая к нему руку. — Вот-вот наступит воскресное утро.

— Осталось еще пять часов, — возразил он и присел, чтобы снять сапоги, затем сбросил на пол одежду. Смочив слюной большой и указательный пальцы, он затушил свечу. — И у меня есть идея, как нам провести первый час.

Она улыбнулась в темноте:

— Действительно?

И вот он уже рядом с ней в постели согревает ее своим телом.

— Ты одна во всем виновата, Бесс. — Его тихий голос был нежным, как ласка: — У меня слабость к красивым женщинам.

— Правда? — Она провела рукой по его коротко стриженным под парик пшеничным волосам и обнаружила, что пряди влажные и холодные, словно он только что выходил на улицу. Однако это невозможно — он всего лишь побывал в соседней комнате! Знакомый запах, приятное щекотанье кожи небритой щекой тотчас отогнали тревожные мысли. — Я уж подумала, что ты вовсе не собираешься спать, — проворчала она. — Она осталась довольна?

Он помолчал:

— Прости, кто?

— Твоя матушка. Ты отогнал ее страхи?

— Ну, да. — Дональд сразу успокоился. — Она подумала, что Эндрю может взяться за оружие.

Элизабет заглянула ему в глаза, которые были совсем рядом:

— Ты ведь не жаждешь воевать с горцами?

— Нет, — прошептал он, притягивая ее к себе, — ведь у меня жена с Нагорья.

Она закрыла глаза, и он поцеловал ее щеку.

— Не жалеешь? — проронила она.

Его губы коснулись уха женщины.

— Даже не думай на эту тему, — шептал он, пока не встретились их губы.

